

КАКОЙ ТЫ, КТО ТЫ, МОЙ ПУШКИН? (ДОМИНАНТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ)

Лытвак Л.

*г. Санкт-Петербург, ГБОУ СОШ 548, 10 Б класс**Руководитель: Титоренко С.Ю., г. Санкт-Петербург, ГБОУ СОШ 548,
учитель русского языка и литературы*

Цель работы. Выявление своего отношения к А. Пушкину с помощью сопоставления разных точек зрения о гении Пушкина.

Задачи: найти информацию о доминантах в творчестве Пушкина, сопоставить разные точки зрения о гении А. Пушкина, обобщить материал, выявить основные доминанты, сделать вывод.

Новизной работа, конечно же, отличаться не может, потому что слишком известное имя А.С. Пушкина давно интересует исследователей как прошлого, так и нового столетия. Но работа с разными источниками позволит мне сформировать свое личностное мнение об этом уникальном, исторически и культурно значимом лице.

Актуальность работы заключается в неугасаемом интересе к гению А. Пушкина, популяризации и пропаганде чтения произведений классика, привлечение внимания к известным и малоизвестным фактам биографии, особенностям тв-ва, исследованию как способа воспитания грамотного читателя, сопряженного с культурой и историей отечества.

Выбор темы обусловлен интересом к личности и творчеству А. Пушкина.

Проблемный вопрос и гипотеза: Кем же для меня является А. Пушкин? Мой Пушкин – универсальный гений тысячелетия.

Глава 1**1.1. Общая информация о А. Пушкине.**

Александр Сергеевич Пушкин за всю жизнь (38 лет) написал 826 произведений: 14 поэм, 1 роман в стихах, 6 драматических произведений, 15 произведений прозы, 7 сказок и 783 стихотворения. Помимо этого осталось огромное количество неоконченных произведений, статей, планов, набросков, заметок, писем и т.п.

1.2. Особенности художественного ремесла.

1.2.1. Тематика произведений.

Лирика. Ведущие темы пушкинской поэзии, как правило, пересекаются, взаимодействуют; каждая из них осмыслена и выражена с той степенью глубины, которая открывает новые оттенки и значения в привычных явлениях жизни, уже освоенных литературой, и придаст им философский смысл. Известные вопросы о соотношении

добра и красоты, добра и свободы, добра и любви находят в поэзии Пушкина свое, особенное решение [1]. (Пушкин, этот гений универсальности и гармонии, сумел охватить в своем творчестве все многообразие проблем человеческой жизни и окружающего его мира).

По тематике его лирику принято подразделять на следующие группы: философская («Бесы», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...» и др.), «Пора, мой друг, пора!...», «Вновь я посетил...» и др.); гражданско-патриотическая и вольнолюбивая («Деревня», «К Чаадаеву», «Анчар» и др.); пейзажная («Погасло дневное светило», «К морю», «Осень», «Зимнее утро», «Зимний вечер», «Туча» и др.); лирика любви и дружбы («19 октября», «Роняет лес багряный свой убор...» и др.), «К», «На холмах Грузии...», «Я вас любил...» и др.); назначение поэта и поэзии («Пророк», «Поэт», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и др.). При этом необходимо учитывать, что одно и то же стихотворение вполне может быть отнесено к разным группам. Вот почему любое разграничение лирики Пушкина достаточно условно, но все же определенные устойчивые идейно-стилистические тенденции позволяют выделить некоторые моменты общности и сгруппировать стихотворения в соответствии с периодом творчества поэта.

Проза. Что касается прозы, драматических произведений, Пушкин развивал следующие темы: роль личности в истории, соприродность вины и наказания, тема чести и бесчестия, тема народная, тема бунта как явление при родное, тема любви, тема «блудных» детей, тема власти, тема человека и среды и другие исторические и философские темы.

1.2.2. Литературные методы, направления, родовое и жанровое своеобразие.

Творческое развитие Пушкина было стремительным. Не менее существенно то, что оно было осознанным: поэт ясно ощущал рубежи своего творчества. Эти моменты, как правило, отмечены итоговыми пересмотрами написанного и созданием суммирующих сборников. Человек глубоко исторического мышления, Пушкин распространял этот взгляд и на собственное

творчество. И то же время оно отличается единством. Это как бы реализация некоторого органического пути. Творчество Пушкина многожанрово. И хотя в сознании читателей, да и в собственном, он был прежде всего поэт, но и проза, драматургия органически входили в его художественный мир от первых опытов до последних страниц. А к этому следует добавить литературную критику, публицистику, эпистолярный, историческую прозу, вспомнить, сколь разнообразной была его поэзия, вмещающая и все жанры лирики, и поэмы, роман в стихах, сказки. Наконец, отмечалось уже, что сама биография Пушкина была в определённой мере художественным созданием, упорной реализацией творческого плана.

На разных этапах разные жанры занимали доминирующее положение, выражая ведущее направление художественной мысли в те или иные годы. Но важно отметить, что рядом с этой доминирующей жанровой струёй, с тем, что поэт предлагал читателю, у него, как правило, была скрытая лаборатория доминанта. Жанры развивались в тесном взаимодействии. Так, иногда лирика становилась лабораторией поэмы, дружеские письма – школой прозы. В определённые моменты лирика, драма вырабатывала взгляд на историю. В известном смысле все творчество Пушкина – единое многожанровое произведение, сюжетом которого является его творческая и человеческая судьба.

При таком соотношении жанров, их постоянной перекличке и взаимном вторжении, образующем как бы единый многоголосный оркестр, в принципе отменялся иерархический подход к жанрам. Ценность того или иного жанра определялась его художественной выразительностью в рамках данного замысла, а не местом в абстрактной иерархии. Перенесение норм одного жанра в пределы другого оказывалось важным революционизирующим средством пушкинского стиля и источником его динамики. Отсюда поражающее современников ощущение новизны и необычности пушкинского стиля. Благодаря этому же Пушкин смог отказаться от принципиального деления средств языка на «низкие» и «высокие». Это явилось существенным условием решения важнейшей национально-культурной задачи – синтеза языковых стилей и создания нового национально-литературного языка. *«Осуществив своеобразный синтез основных стихий русского литературного языка, Пушкин навсегда стер границы между классическими тремя стилями XVIII в. Разрушив эту схему, Пушкин создал многообразие национальных стилей <...> Вследствие этого открылась возмож-*

ность бесконечного индивидуально-художественного варьирования литературных стилей» (В.В. Виноградов) [12].

1.2.3. Доминанты в творчестве А. Пушкина. Доминанта. Значение слова.

1. Значение слова Доминанта по Ефремовой:

2. Доминанта – 1. Главенствующая идея, основной признак или важнейшая составная часть чего-либо.

1. Значение слова Доминанта по Ожегову:

2. Доминанта – доминирующая идея.

Литературоведческая справка.

Доминанта (эмоционально-смысловая доминанта) текста – комплекс когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определённого типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в том или ином художественном тексте (литературном произведении). Может использоваться при анализе художественного текста в рамках психологического литературоведения. Является главенствующим приёмом, необходимым при создании художественного целого. Совокупность доминант и является определяющим моментом в образовании жанра. / Б. Томашевский. Теория литературы/.

Это понятие в том или ином виде использовалось в работах по эстетике и литературоведению (лингвисты Виктор Виноградов, Роман Якобсон, Григорий Гукковский, Михаил Бахтин, Александр Потебня, Майкл Риффатер, Илья Гальперин, философы Густав Шпет, Владимир Соловьёв, Андрей Белый, литературоведы Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов, Ян Мукаржевский и многие другие).

В этих работах отмечается, что доминанта текста может быть выделена по разным основаниям – идеологическому, жанровому, образно-композиционному, временному, языковому. Но поскольку художественный текст является образным субъективным отражением реальности и, следовательно, несёт эмоционально-смысловую нагрузку, то применительно к нему можно говорить не просто о доминанте, а об эмоционально-смысловой доминанте текста – об эмоционально-смысловой направленности текста и о выраженности в тексте характерологических и индивидуальных черт личности автора. В художественном тексте эмоционально-смысловая доминанта выступает как организующий принцип, предопределяющий отбор автором определённых сюжетов, героев, синтаксических и лексико-семантических средств. Например, выделяют светлые, темные, веселые, печальные тексты.

Но в текстах А. Пушкина можно выделить не только эмоционально-смысловые доминанты, но и исторические (одна из основных), социальные, нравственные, философские, политические и другие.

Доминанты А. Пушкина.

Составляя мнение о таком авторе, как А. Пушкин, нельзя не обратить внимания на доминанты в его творчестве, они объясняют многое в личности самого автора, времени, в которое он жил и писал, обществе, которое окружало его, принимало его или изгоняло из своего круга, порицало или ценило в нем гения.

Учитывая значение слова доминанта, можно заключить, что разгадав идеи, главенствующие в его творчестве, можно разгадать гений Пушкина, кем же А. Пушкин является в масштабах своего и нашего времени, пространства России и мира. В школе мы почти всегда, изучая особенности творчества А. Пушкина, говорим о тематике, художественных особенностях, жанрах, направлениях, но редко уделяем внимание доминантам в его творчестве, а ведь именно они объясняют мотивы его действий, причины появления того или иного произведения в то или иное время его жизни. Прослеживая доминанты в творчестве, можно проследить, как зрел гений А. Пушкина, как развивалась в нем философия творца, ведь способность оценить значимость того или иного явления в русской жизни ведет к объяснению их появления в жизни России, необходимость своевременного выявления и пути решения круга проблем в историческом времени, отображения их в развитии национального менталитета, характера. Поэтому самой важной и объясняющей появление других является историческая доминанта. Связь с «отеческими гробами» для автора является одной чуть ли не самой главной идеей.

На основе исследования О.Б. Сокурова «Исторические доминанты новой русской литературы: А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.А. Блок» [11] я проведу свое наблюдение и попробую выявить социальные доминанты А. Пушкина, так как считаю, что эти (исторические, социальные и нравственные) доминанты в большей степени объясняют гений Пушкина, его популярность в разные времена (в XIX, XX, XXI веках).

Глава 2. Исторические доминанты А. Пушкина

2.1. Сокурова О.Б. Лекция «Исторические доминанты новой русской литературы»

Размышляя над историческими доминантами в работах Пушкина Ольга Бори-

сова Сокурова рассматривает два его произведения: драму «Борис Годунов», поэму «Медный всадник». Она сразу отмечает, что для Пушкина, как историка, исследование истины – и есть та свобода, о которой он всегда писал. Для Пушкина важна личность со всеми противоречиями, сложная, неоднозначная, неприукрашенная. Она опирается на исследователя В.С. Непомнящего, который пишет, что А. Пушкин видел человеческую историю как целостное сверхсобытие и считал поступки отдельной личности, ее нравственный выбор отнюдь не безразличными для хода большой истории.

2.1.1. Драма А.Пушкина «Борис Годунов».

Рассуждая о Пушкине, О.Б. Сокурова отмечает, что Л. Толстой подсмотрит именно у А. Пушкина идею о движении истории: не только великие деятели двигают ход истории, роевая жизнь людей, их интересы, человеческие чувства являются двигателями истории; Пушкин показывает единое действие человека и истории. В подтверждение О. Сокурова приводит сцену из «Бориса Годунова» – монолог совести Бориса Годунова «Достиг я власти, но счастья нет» («Они ж меня, беснуясь, проклинали», «они любить умеют только мертвых»). Ставя в монологе Бориса неразрешимый для царя вопрос, Пушкин здесь же, в этом же монологе, дал свое разрешение этого вопроса. Объяснение загадочного разрыва, непонимания между царем и народом заключено уже в самом отношении царя к народу [10]. Борис, не замечая того, отвечает сам себе; дело именно в том, что народ для него – чернь, что он отчужденно говорит о народе – «они», уже не хочет считаться с «плеском» и «воплем» народным, говорит о народном бедствии: «народ завыл», «беснуясь». И в этом Борис недалеко от Шуйского, считающего «бессмысленную чернь» изменчивой, мятежной, суверенной, глухой и равнодушной к истине. И самую власть Борис понимает как непереносимое подавление неразумной черни, как неизбежное угнетение:

Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец.
Так думал и его свирепый внук.

Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

Здесь же и величайшее презрение к «мнению народному». А Пушкин хорошо знает, что именно «мнение народное» – сила истории.

О. Сокурова объясняет позицию автора драмы в отношении связи поступка человека и неизбежного наказания: «есть тайная – вну-

тренняя – связь событий, и пружина судьбы начинает рано или поздно разворачиваться» [10], каждый должен ответить за сделанное. Пушкин показывает: у Бориса перехватило дух от страха, но появляется лукавый Шуйский, и все с облегчением вздыхают. Сокурова предполагает, что Пушкин мог усмотреть такую сцену у Шекспира в трагедии «Гамлет», где Клавдий, глядя в зеркало, мог признаться себе и другим в том, что пролил кровь, но он не сделал этого вовремя, за что и поплатился. Ничто не может успокоить Бориса Годунова, как только совесть, но, обращаясь к окружению своему, Борис размышляет, что «лишь одно пятно» и толпа не простит. Показывая «диалектику» Бориса, автор незримо присутствует при этом и напоминает, что есть ошибки, которые не прощает ни народ, ни время, ни сам человек.

«Щадите русскую кровь», – произносит герой Димитрий. Юродивый Николка и старец Пимен являются в драме Пушкина предвестниками справедливого суда, не зря Николка говорит: «Нельзя молиться за царя Ирода, Богородица не велит». Главное наказание Бориса ждет его после смерти, и «наказание его сопряжено с виной» [10] (Борис убивает невинного младенца, в результате действий заговорщиков гибнет его сын).

Автор, закольцевав судьбу личности, пытается закольцевать и судьбу народную. Удивительно, как автор меняет исход событий: в первой редакции – народ крикнул «Да здравствует...», в последней редакции – «народ безмолвствует» [10], и в этом безмолвии, возможно, кроется бунт.

О. Сокурова обращает внимание и на финал, он, как и всегда у Пушкина, философский – открытый. Самостояние человека в бережном отношении к «отеческим гробам», как залого животворящей святости – памяти о предках, устоях, которые они нам оставили – святоотеческая традиция народа [10]. А. Пушкин соединил древнюю и новую Русь (которые обычно противопоставляются учеными).

Сам автор достаточно бережно относился к своей родословной, изучая ее, с большим удовольствием отметил в ней предка по линии отца – Гаврилу Алексеевича – правую руку Александра Невского, Арапа – правую руку Петра Великого, предка по линии матери. Соединив этих двух предков в родословной, А. Пушкин отметил свое предназначение, как важное для отечества. Может быть, поэтому так увлекался историей России, тщательно избирая источники для произведений на исторической основе.

2.1.2. Поэма «Медный всадник».

Второе произведение, на основе которого рассматривает исторические доми-

нанты О. Сокурова, – это поэма «Медный всадник».

В 1833 году во вторую Болдинскую осень Пушкин делает остановку на обратном пути из Оренбурга, куда он ездил за сведениями о пугачевском бунте. Анализируя события 1824 г. (самое большое наводнение в Санкт-Петербурге, в ноябре) и 1825 года (декабристское восстание), А. Пушкин усмотрел параллелизм СТИХИЯ-БУНТ, а пушкинисты усмотрели даже пророчество в дате, на которую обращает внимание Пушкин 7 ноября, ведь именно эта дата в 1917 году станет роковой для Петербурга и России. Пушкин напишет: «для Петрограда осенним хладом», О. Сокурова отмечает, что такое название города не было характерным для того времени. Не пройдет и века, как другой автор-поэт проведет по улице 12 лжепророков, и Нева будет сравниваться с шайкой разбойников.

Как отмечает О. Сокурова, это магистральная тема – тема бунта [10]. Пушкин, разрабатывая ее на большой глубине, с исключительной точностью дает ряд исторических пророчеств, которые впоследствии осуществились [10].

Пушкин рисует иллюстрацию к событиям поэмы: конь без всадника, змея ожила и уползает вперед, гром-камень дал трещину. О. Сокурова объясняет метафорическое значение рисунка весьма соотносимо с грядущими в следующем веке событиями: страна на дыбах, зло уползает, оживает, власть дает трещину.

В чем же причина трещины? В самой проблеме власти. Маленький обыватель Евгений становится ферментом [10] грядущих потрясений.

Проблема власти, по мнению автора, в неоднозначном отношении к Петру, дальние рубежи (куда смотрел сам царь) – плод ума великого и обширного, ближайшие рубежи – писаны кнутом и отдают деспотизмом. Город Петра – государственность, построенная над бездной, на «хлябях», твердыня камень стоит на болоте, город построен «назло надменному соседу», а зло способно ответить, он построен над морем, а стихия способна ответить, взбунтоваться.

Тема бунта неслучайна. Кто взбунтовался? Маленький антагонист Петра – Евгений, дворянин, представитель древнего рода, он неукорененный, безосновный, предстает характерным типом: прошлое забыто, трудное настоящее и лучезарное будущее, которое отдалено, как линия горизонта.

А ведь гордиться памятью предков можно и нужно, должно. «Не уважать оное – есть малодушие», – считал сам автор. И автора волнует вопрос, по какому пути теперь пойдет его Россия.

Но героя поэмы не волнует этот вопрос, его волнуют только личные планы, он мечтает о счастье с Парашей. Конечно, мечты его трогательны и поэтому понятны. Однако строить долгосрочные планы в России – дело бесперспективное, как известно, и ненадежное, по мнению А. Пушкина. Ясно, почему человек не находит, как и зачем ему жить дальше, ему не на что опереться. Евгений сходит с ума. Пушкин назовет его «бедный», так как сердечно сострадает герою, его горю, и тем не менее Пушкин описывает состояние бунта Евгения: «Глаза подернулись туманом, вскипела кровь, он мрачен стал, как обуянный силой черной... Ужо тебе!»

Но и Петр показан здесь «горделивым истуканом», ведь все-таки тоже совершил насилие «уздой железной Россию поднял на дыбы».

Раздвоенность разделения между властителем и его народом наметилась. О. Сокурова отмечает, что Пушкин использует оценочную лексику в поведении Евгения, чтобы показать «ужасен русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Беда власти в том, что ей нет дела до ее народа, частного, маленького человека с его нуждами и бедами. А с другой стороны и частному человеку нет никакого дела до забот и проблем государственных, он живет своими житейскими интересами, втайне ненавидя власть, считая ее виновницей всех своих несчастий и страшась ее беспощадного гнева.

И вот в этих условиях взаимного отчуждения власти и личности и возникает трещина в некогда монолитном и могучем камне русской государственности со всеми вытекающими отсюда историческими последствиями.

Вывод О. Сокуровой к наблюдениям над историческими доминантами Пушкина.

Гений Пушкина помогает разобраться в уроках истории, и его призыв стоять непоколебимо, стоять вместе с народом и страной, мы призваны выполнить. И живой отклик в произведениях Пушкина можно найти не только на события прошлого, но и на современные ему исторические реалии и события.

В статье «Джон Теннер» Пушкин пишет об американской демократии: гордая, благородная Америка проявляется в нестерпимом тиранстве, все благородное подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к доволству – комфорту.

К примеру, фаустовская душа представлена Пушкиным как пророческая западная идеология: в сцене «Фауста», которая начинается словами: «Мне скучно, бес», – и заканчивается потрясаю-

щим пожеланием-приказом, обращенным к Мефистофелю: «Все утопить! Все утопить!», содержится демонический наказ. Может быть, мы являемся сегодня свидетелями исполнения этого демонического наказа в различных точках земного шара [10].

О. Сокурова приводит слова известного пушкиниста В. Непомнящего, который справедливо заметил: «Пушкин словно ждал нашего катастрофического времени, чтобы выйти ему навстречу».

О. Сокурова также обращает внимание к концу своей лекции, что есть у Пушкина и другие пророческие послания, для этого нужно читать:

– за кем останется Волынь?

– признав мятежные права, от нас отторгнется Литва?

– наш Киев, златоглавный, сей прашур русских городов, сроднит ли с буйною Варшавой святыни всех своих гробов?

Мой вывод.

Таким образом, обобщая наблюдения и выводы О. Сокуровой, которая в свою очередь опирается на книгу Г.А. Гуковского «Очерки по истории русского реализма», можно вывести характерные исторические доминанты в обоих произведениях Пушкина:

1) Самостояние человека в бережном отношении к «отеческим гробам», как залого животворящей святыни – памяти о предках, устоях, которые они нам оставили, – святоотеческая традиция народа.

2) Есть тайная – внутренняя – связь событий, и пружина судьбы начинает рано или поздно разворачиваться, поэтому каждый должен ответить за сделанное. Нет случайных событий в истории отечества, как и неоправданного наказания.

3) Наказание сопряжено с виной.

4) А. Пушкин видел человеческую историю как целостное сверхсобытие и считал поступки отдельной личности, ее нравственный выбор отнюдь не безразличными для хода большой истории.

5) Тема бунта – магистральная. Стихия бунта для автора – вечное напоминание власти и государственности об их роли в жизни обычного человека, в жизни сограждан, напоминание о природном желании человека жить в условиях взаимного с властью понимания, должного понимания интересов государства, сопричастности с этими интересами.

6) Пушкин с исключительной точностью дает ряд исторических пророчеств, имея таковую способность, делая это ненамеренно, но точно.

7) Маленький обыватель является ферментом грядущих исторических или природных потрясений, избежать этого будет трудно.

Глава 3. Наблюдение. Социальные доминанты в творчестве А. Пушкина

На примере разных жанров произведений разных периодов творчества А. Пушкина попробую выявить социальные доминанты его творчества.

3.1. Поэма «Тазит» (неоконченная).

Поэма «Тазит» не окончена автором и тем интересна мне, читателю, который открывает для себя Пушкина, как гения. Сложность тематики и проблематики объясняет причины незаконченности поэмы, вопросы масштабной значимости разных религий, вопросы ассимиляции наций, их традиций, ценностей, вопросы развития общества и человека в дали от цивилизации, вопрос права выбора жизненного пути – все это почва для вечных споров во все времена. И поэтому поэма привлекла мое внимание, я попытаюсь с помощью обобщения критического материала по вопросу выявить значимые социальные доминанты Пушкина.

В 1829 г. Пушкин предпринимает попытку изменить свою жизнь: испытывая судьбу, он отправляется в путешествие на Кавказ, не имея ни разрешения властей, ни продуманного плана. Он не просто путешествует, он по крайней мере однажды участвует в боевых действиях – 14 июня 1829 г., ухватив пику одного из убитых казаков, Пушкин, в гражданском платье, в цилиндре на голове, но одушевленный отвагой устремился против неприятельских всадников. Погибнуть тогда ему было не суждено и он вернулся, привез из поездки дневник, на основе которого позднее напишет «Путешествие в Арзрум» и наброски так и оставшейся незавершенной поэмы «Тазит», замысел которой сформировался в контексте размышлений о христианском миссионерстве на Кавказе и милосердии как основе христианства.

В поэме Пушкина отец Гасуб – носитель первобытного, воинственного и примитивного сознания. Но Тазиту, приобщенному к более высокой культуре, чужда примитивная свобода горского быта. Он приобрел черты более высокого сознания – гуманность, уважение к другому человеку. За пушкинским текстом стоит вера в освободительную роль цивилизации.

Известный исследователь Пушкина С.М. Бонди пишет: «Но самым сильным и действенным средством Пушкин считал проповедь более гуманной религии – христианства. Это средство, по его мнению, должно смягчить суровые нравы горцев и уничтожить их кровавые обычаи».

Иными словами, кровожадному чеченцу Гасубу с его представлениями о мире, о «дobre» и зле противопоставлен прием-

ный сын Тазит, христианин, не способный убивать армян, русских, грузин, тем более вооруженных или раненых.

«Человек не хочет добывать средства к существованию путем убийств, не хочет находить в убийствах эстетическое и нравственное удовлетворение, хочет жениться и трудиться, быть тихим и маленьким и в том чувствовать, что он сам большой», – пишет другой исследователь этого вопроса – С. Воложин в статье «О художественном смысле «Тазита» А.С. Пушкина» Он отмечает колоссальную этнографическую осведомленность Пушкина, что и в действительности в Кабарде в его время началось расслоение горцев на мирных и немирных, на принимающих европейскую цивилизацию и не принимающих ее. По мнению С. Воложина, Пушкину нужно было столкнуться этнографическую невероятность с этнографической точностью, чтобы «сказать», что не в этносе дело, а в общечеловеческой коллизии: необходим консенсус в большом масштабе, чтоб достигнуть блага даже в масштабе малом. Это столкновение, как он отмечает, работает на катарсис: не важно, кто это, важно, что для кого угодно личное счастье требует счастья общественного в качестве своей предпосылки. (Очень немодная формула для нынешнего нашего времени, времени массового спуска вниз по Синусоиде идеалов. Но что поделаешь: Пушкин в 1829 году начал новый подъем по этой Синусоиде, подъем с самого ее низа).

Рассматриваемый текст отражает в плане содержания идеологический комплекс, определяемый полярными понятиями «естественное состояние» и «цивилизация» (гражданское общество).

Семантику ключевого термина А.П. Куницын описывал так: «Слово естественный, присоединяемое к праву, состоянию, закону и разуму, вводит некоторых в заблуждение по своей двозначительности: иногда значит оно то же, что первоначальный, первобытный, иногда – природный, врожденный (в правоведении употребляется оно в своем последнем значении).

Но, принимая название естественный в первом значении, многие думают, что состояние «естественное» есть состояние людей без общественного соединения, в котором царствовало самоуправство, что закон естественный есть выражение правил, коими люди руководствовались в первобытном состоянии. Отсюда видно, что противопоставление велось в двух планах – «реальном» (действительное существование естественных людей) и умозрительном (условное выделение в человеке того, что возводится к природе, – и соответствующее должностное существование). Постоянным членом

оппозиции было «гражданское общество». Первое из указанных Куницыным значений отождествляло «первобытный» (древний) и «естественный», на «синхронном срезе» вместо «первобытный» была возможна подстановка «нецивилизованный» [9].

Герой совершает движение от естественного состояния к состоянию цивилизации. И в этом коллизия «перевернута» по отношению к «Цыганам», но конфликт «Тазита» аналогичен конфликту «Цыган»: нецивилизованному коллективу присуще внутреннее противоречие. Его соотношение с цивилизацией, которая должна была быть персонифицирована в лице Тазита, (или миссионера), иное, чем в «Цыганах»: не европеец бежит к дикому народу, а дикарь выступает проводником цивилизованных жизненных норм или внутренне готов к выполнению этой миссии [6].

Показательно употребление слова «дикость», весьма важного в контексте противопоставления гражданского общества и естественного состояния. В «Цыганах» «дикость», «дикий» – обозначения вольной жизни на лоне природы в противовес «неволе душевных городов». С точки зрения обозначения Гасуб – дикий. Но эта дикость им самим именуется – «плоды наук», «труды», диким же названо (в авторской речи) поведение Тазита. «Но Тазит /Все дикость прежнюю хранит». (V, 73). Здесь игра на полисемии: «дикий» – антоним к «цивилизованный» и «чуждающийся людей» [7].

Таким образом, вместо условного непротиворечивого социума – особая, этнографически определенная цивилизация, и здесь же – новая условность: «дикарь», стоящий вне этой цивилизации. Поведение Тазита аналогично поведению Алеко – это отказ от основных культурных правил.

Руссо, считая сострадание одним из двух «первых и простейших действий человеческой души» (наряду с самосохранением), утверждал, что естественные люди «даже не помышляли о мести», но месть присуща всем известным диким народам, которые «уже далеки от первоначального естественного состояния» [8]. Тазит осуществляет естественную доброту и нарушает традицию «хищного» Кавказа. Социум, который мог быть представлен естественным, «расслаивается» на цивилизацию и «дикость». На это указывает и этимология имен героев: Гасуб значит «хищник, разбойник, грабитель», Тазит – образовано от слова со значением «новый, свежий, молодой».

Вывод

Таким образом, А. Пушкин рассматривает отношение человека и общества с раз-

ных аспектов: с религиозно-культурного, с социально-этнического, социально-нравственного, – тем самым углубляясь в вопрос, подчеркивая значимость социальной основы своих текстов, представляя отношения человека и общества в их развитии. Человеку свойственно противостоять законам своего социума, если тот противоречит духовным, социальным, нравственным потребностям человека. Один человек не может изменить общество вокруг себя, но может заставить переоценить нормы, правила, устои и традиции, если пришло этому время. А. Пушкин диалектически смотрит на отношения человека и общества: видит диалектическое развитие только в определенной зависимости их друг от друга, меняются потребности человека, появляется новый тип человека – должно измениться общество. И роль русского народа, как истинно христианского, А. Пушкин считает немаловажной, во многом народы России были ассимилированы его культурой, общечеловеческими ценностями, пропагандирующими ценность каждого человека как уникального, жизнь человека, право выбора, соблюдение общественной и личностной моралей.

3.2. Повесть «Капитанская дочка».

Рассмотрю другое, наиболее значимое для творчества А. Пушкина, произведение – исторический роман\ повесть «Капитанская дочка». Оно является последним его трудом, а значит, может наиболее ярко продемонстрировать социальные доминанты его творчества.

В 1831 году 24 февраля А. Пушкин пишет Плетневу: «Я женат и счастлив. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился». Семья была тем началом, которое заново открыло ощущение зрелости в жизнь, укорененности в ней: в быту, в роде, в нации, в истории – прошлой, настоящей и будущей [5].

В 1834 году А. Пушкин пишет свой труд «История Пугачева», который вышел в последнем прижизненном номере журнала «Современник» в 1836 году под заглавием «Капитанская дочка». Конечно, книга неоднозначна. С одной стороны, это история о смуте, о восстании, с грандиозной картиной бунта, мятежа как стихии, явление Пугачева из бурана, из метели, из выюги, он – ее страшное дитя. «Природность, неподвластность, непредопределенность – вот начала, которые несет этот колоссальный социальный мятеж» [5], – пишет Н. Скатов. Здесь Пушкин проявил «величайшую объективность и свободу в отношении к герою, призвав в свидетели «мнение народное», на него опершись» [5]. Но Пушкин не высту-

пал и не мог выступать с идеей утверждения бунта: «не приведи бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Ужасы гражданской войны, проходящей через частные судьбы людей, оказавшихся в разных лагерях не по воле, не по призванию, не по выбору ставили под вопрос самое национальное единство, раскалывали его и опрокидывали его [5]. Н.В. Гоголь так сказал об этом времени: «Бестолковщина времени и простое величие простых людей».

С другой стороны, эта повесть – семейная хроника, семейная, «эпическая» жизнь перед лицом драматических исторических событий, о крепком внутреннем национальном корне. Есть в повести простые человеческие начала, которые предстают в абсолютном виде, эти начала и есть начала родовой, национальной, эпической жизни. Маша Миронова – капитанская дочка, дочка офицера – женщина исконно национально-го сознания.

Н. Скатов, опираясь на слова Вяземского «Всякому греху милосердие, но не всякой низости», выделяет мир Маши Мироновой (она подобна оси, как бы стягивает полюсные состояния раскалывающегося национального бытия, как оно предстает в повести. Самое основное в повести и самое жизнестойкое и есть она, Маша Миронова [5]. Семья Мироновых – простая, понятная, русская, хлебосольная, незамысловатая, обычная, как многие другие и поэтому типичная для России, ее дальних уголков. Именно в такой семье мог зародиться такой характер, как у Маши Мироновой, выстрела пушки она боится, а противостоять судьбе, натиску обстоятельств она не боится. Время перемен, подчас трудное для других, становится временем испытания русского характера, в которое он закаляется, развивается и достигает высшей точки развития – самоотречения и служения правде. По-другому Маша Миронова и не могла поступить: еду – чтобы спасти, хоть и неуверена в положительном исходе своего предприятия. Но ведь и мать ее также поступила, зачем ей жизнь без любимого человека (после гибели мужа тоже погибает). Здесь, безусловно, чувствуется авторская позиция: в семье русской и должно всё держаться на самоотречении, это и есть ключевая социальная доминанта А.Пушкина.

Есть еще одно лицо, которое нарисовано Пушкиным, это императрица Екатерина, она следит «за законом», она соблюла закон, но милости к «падшим» не оказала [5]. Пугачев же в сравнении с ней показан с ничем не объяснимым порывом добра и милости («миловать так миловать»), он ведет себя согласно тем высшим началам человечно-

сти, которые утверждал всегда сам Пушкин (прощать и миловать). Милость – в отношении к другим, пусть ошибающимся, пусть противостоящим общепринятому порядку – становится основополагающей жизнеутверждающей ценностью автора и выступает во многих его произведениях доминантой.

Есть образы народные. Бесспорно, образ Савельича – один из важных для понимания авторской идеи утверждения человеческих начал – простоты и правды, он является спутником главного героя по принуждению, но волею своего сердца оказывает на его жизнь влияние, противостоит Пугачеву в его идее «народного бунта», не признавая в нем царя, не признавая его волю. Этот тип народника больше всего симпатизирует автору, поэтому он создан Пушкиным с особой любовью, выведен как тип национальный, положительный, образцово народный. Есть небольшой упрек Савельичу от автора, но он настолько непритязателен, что не мешает масштабности его образа. Оставаться благородным – удел Гринева Петра, исполняющего завет отца, а вот оставаться всегда добродетельным, внимательным, заботливым к близким – это удел савельичей. Человек, готовый отстаивать жизнь близкого, блюсти его интересы, жертвовать собой ради него, исполнять обязательства, честный и верный человек становится объектом внимания позднего творчества Пушкина. Савельич не решает глобальных вопросов исторического времени, но исполняет долг человеческий перед людьми близкими – и в этом его главная ценность. Исполнение человеком возложенных на него обязательств – значимая социальная доминанта повести.

Итак, ключевыми социальными доминантами в позднем произведении А. Пушкина можно выявить

– семью, как институт, в котором воспитывается человек, обретает истинные ценности, социализируется и становится образцом для сограждан, самоотречение и любовь есть основа семьи;

– милость (сострадание, милосердие) в отношении к другим становится основополагающей жизнеутверждающей ценностью автора и одной из доминант;

– исполнение человеком возложенных на него обязательств, ответственность человека перед исполнением своего долга;

– объективность и свобода в отражении человека во времени, в литературе, в истории;

– национальное единство.

Заключение

Пушкин является не только величайшим поэтом и создателем русского литературно-

го языка, но и универсальным гением. Универсализм Пушкина заключается в том, что в поле его зрения находились не только литература, поэзия и вообще вся словесность, но и такие гуманитарные дисциплины, как философия, политэкономия, история и, конечно, наука. Следует также подчеркнуть, что Пушкин был энциклопедически образованным человеком [3].

С этим трудно не согласиться.

Пушкин прекрасно знал труды французских философов XVIII в. Декарта, Вольтера, Дидро, Руссо, Гельвеция, Монтескье и других. Знал Аристотеля и вообще античную философию. Читал, конечно, и немецких философов. И это, безусловно, нашло отражение в его произведениях.

Пушкин – профессиональный историк, «в нем было верное понимание истории: свойство, которым одарены не все историки». Принадлежностью ума его были ясность, проницательность и трезвость. Пушкин был впечатлителен; он был одарен воображением и самоотвержением личности своей настолько, что мог отрешить себя от присущего и воссоздавать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, порядками, давным-давно замененными новыми поколениями, новыми порядками, новым общественным и гражданским строем. Все это качества необходимые для историка, и Пушкин обладал ими в достаточной мере» [4].

Пушкин всю свою короткую жизнь специально занимался историей, потому что прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны. Нет настоящего без прошлого и будущего без настоящего. Пушкин подчеркивал, что неуважение к прошлому есть черта необразованности, и тот, кто пренебрегает прошлым и занят одним настоящим, не понимает единства истории человечества.

Пушкин – «представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что оста-

ется нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, другими мирами, полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, – все то, что принять следует, отбрасывавший все, что отбросить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, – образ, который мы долго еще будем оттенять красками» [2].

Таким образом, Пушкин – ученый, исследователь, как зеркало, умеющий точно отражать человека во времени. У него, действительно, и «жало мудрых змей», «зеницы», острый слух, вместо сердца уголь. Мой Пушкин – универсальный гений столетия, а может, даже тысячелетия.

Список литературы

1. Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова: Учеб. Пособие. Сост. Н.Г. Михновец. СПб: «Паритет», 2001.
2. Григорьев А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Солнце России. Русские писатели о Пушкине. Кн. 1. Век XIX. – М., 1999.
3. Гобзов И.А. Философия и общество. Выпуск № 3(67)/2012
4. Вяземский П.Я. Эстетика и литературная критика. – М., 1984.
5. Скатов Н. Пушкин. Ленинград: Детская литература, 1991.
6. Руссо Ж.Ж. О причинах неравенства. СПб., 1907.
7. Словарь языка Пушкина, т. I, М., 1956.
8. Тоддес Е.А. О незаконченной поэме Пушкина «ТА-ЗИТ». Ученые записки. Пушкинский сборник. Псков, 1973 г.
9. Куницын А.П. Русские просветители (от Радищева до декабристов), т. 2, М., 1966
10. Гуковский Г.А. «Очерки по истории русского реализма». М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
11. Исторические доминанты новой русской литературы: А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.А. Блок: [видеолекция] / Сокурова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук.
12. Мир Пушкина: личность, мировоззрение, окружение / Г.Н. Волков. М.: Молодая гвардия, 1989.
13. Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова: Учеб. Пособие. Сост. Н.Г. Михновец. СПб: «Паритет», 2001.